

Маргарита РЕЗНИК

САХАР...

@ЭЛИТА

16+

Маргарита Резник

Сахар...

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Резник М.

Сахар... / М. Резник — Электронное издательство "Аэлита",
2014

Агата Сахар – студентка Медицинского факультета города Петрозаводск. Девушка свободных нравов, добрая и чуткая, где-то легкомысленная, но невероятно удачливая горит желанием влюбить в себя молодого красивого мецената. В этом нет ничего странного – ведь он не похож на остальных парней, с которыми встречалась Агата. Но меценат не знает, что накануне их встречи она переспала с его двоюродным братом, который вскоре был убит... С этого момента жизнь Агаты превращается в поток различных передряг и всё сильнее засасывает её в пучину тайн, преступлений и переплетений судеб небольшого города.

© Резник М., 2014
© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Повесть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маргарита Резник
Сахар...
Роман в двух повестях

© ЭИ «@элита» 2014

* * *

Повесть 1

Кофе без сахара

Глава 1

Свет.

Кусок белого комода. Дверь куда-то, похоже, в ванную. Темно.

Снова та же картина, только теперь ещё белая подушка прямо у неё под щекой.

Как тяжело открыть глаза, так хочется спать. Веки снова опустились, темнота. Какая сказка, когда субботним утром можно просто так поваляться, нежась в своей уютной общежитской постельке...

Уютной? Чёрт! Это же не общежитие, там ужасно жёсткие кровати! Боже, где я?!

И тут Агата открыла один глаз, боясь увидеть рядом с собой очередного страшненького парня, который накануне вечером казался прекрасным принцем под туманом горячительной жидкости, приправленной солью и лимоном».

Агата Сахар – кареглазая блондинка студентка медицинского факультета, мечтающая стать актрисой кино, добрая, весёлая, но неприятности к ней так и липли, особенно в виде неудавшихся отношений. Последние свидания вообще всё больше случались «одноразовыми», они обязательно сопровождались утренним похмельем и неприятными прощаниями с навязчивыми парнями.

Но в этот раз похмелье совсем не ощущалось. Тело тонуло в нежнейших шёлковых простынях, во рту не ощущалась наждачная бумага с привкусом вырывавшейся наружу пищи, съеденной перед сном. И теперь воспоминания вчерашнего вечера начали понемногу возвращаться.

Она сидела за столиком с Катей, самой близкой подругой, в Петрозаводском клубе «Метелица», когда к ним подсели два симпатичных, да что там – красивых молодых бизнесмена. Это было видно по их костюмам и по бренди в бокалах, которое редко пьют малоимущие студенты. Высокий голубоглазый Аполлон с ослепительно белой улыбкой сразу подсел к ней, а скуластый крепкий парень с каштановыми волосами и небольшим, но приметным шрамом на щеке на весь вечер растворился во внимании Кати. Агата бы и не обратила внимания на этот шрам, если бы он не напоминал символ спортивной компании «Найк». Ну да что там! Разве испортишь чем-то эту божественную красоту, особенно с такими деньгами?

Парни тут же начали рассказывать о замечательном бизнесе пластиковых окон и о том, какие они хорошие ребята. Ещё немного бренди и вечер закончился у блондина дома. Агата никогда ещё не чувствовала себя такой красивой, счастливой, успешной. Неужели этот красавчик и вправду ей заинтересовался? Обычно раньше у неё были только симпатичные, либо не очень, сверстники с медицинского, или другого факультета. Она не спала с парнями, которые её не нравились, но всё это было как-то мелко, убого, а тут... Неужели, наконец-то, встретился тот самый принц?

Она лежала на мягчайших перинах супермужчины после страстной ночи, а откуда-то с кухни шёл запах только что сваренного кофе. Боже мой, сейчас она встанет с постели, накинёт простыню, как олимпийская богиня – хитон, подойдёт к своему Титану, он подхватит её на руки и понесёт в постель, а после сладострастного действия в этих шёлковых материях они вместе станут смаковать утренний кофе с сахаром и сливками.

– А, ты уже проснулась? – В комнату вошёл одетый в белый длиннополый халат, Костя.

Агата прекрасно помнила имя парня – ведь она всю ночь его повторяла, раз пять улета в небеса от наслаждения, пока на рассвете они оба просто не отключились. Но сейчас в голосе молодого человека уже не чувствовалась та страсть, а, скорее пренебрежение, что, возможно, и не сильно напрягло бы Агату, если бы не следующая фраза:

– Собирайся, тебе пора!

Девушку почти подкинуло к потолку от возмущения, но она лишь произнесла робко и тихо:

– Что, даже кофе не предложишь?

– Я не пью кофе с незнакомыми девушками.

Агата не выдержала. Она опустила глаза, боясь показать этому подонку предательски подступающие слезы. Сжав губы от обиды и злобы, она быстро начала одеваться.

– Кофе, наверно, ты даже без сахара пьёшь? – натягивая джинсы, спросила Агата; взгляд её уже стал более уверенным, от слёз не осталось и следа.

– Да. Как ты догадалась? – Он казался невозмутимым, лишь в голосе слышалось лёгкое удивление, но скорее не из-за вопроса, а из-за того, что она вообще посмела что-то спросить после того, как он явно её прогонял. Неужели совсем нет никакого самоуважения?

– Уж слишком ты приторный. Лишний сахар может тебе только навредить.

Молодой человек поперхнулся, а его глаза уставились на нахальную девицу, которая лишь подняла подбородок, тряхнула слегка спутанными волосами и ушла, громко хлопнув дверь.

Глава 2

– Ты так ему и сказала?! – спросила, разразившись смехом, Катя стоя у плиты.

Агата пришла к ней сразу после утреннего происшествия. В голубых, обтягивающих стройные ноги джинсах, синей майке с тонким коричневым ремешком она выглядела неподходяще воскресному утру. Ключевая – район не самый приятный, но ехать до центра в общественном транспорте в таком виде нельзя. А Катя жила как раз в том же районе, что и мужчина из чужой сказки, лучше даже сказать кошмара, не повезёт той даме, что займёт его крохотное сердечко. С растрёпанными блондинистыми волосами стрижки боб и осыпавшейся тушью под ресницами Агата могла бы только в такси сесть, но, к сожалению, поиздержалась на прошлой неделе, поэтому даже вчера ей хватило только на входной билет.

– Ты представляешь? Кофе без сахара! Какая ирония! Мы ведь весь вечер вчера болтали о моей идиотской фамилии, а утром он даже не понял моего сарказма, как будто просто притворялся, что слушает, лишь бы затащить в постель! – Агата пила горячий чай и с неподдельной злостью рассказывала подруге о случившемся.

– Не сильно ты и сопротивлялась, – подруга посмотрела на неё, сдерживая улыбку и уперев кулак в бок.

– Хватит, не издевайся! – Агата схватила из вазочки горсть мармеладок в фантиках и, играючи, швырнула в Катю. Та прикрылась рукавом махрового халата и теперь уже звонко рассмеялась.

– Вечно ты попадаешь в какие-нибудь нелепые ситуации. Пора уже найти себе кого-нибудь нормального, верного мужика, кто бы о тебе заботился.

– Ты хотела сказать – покорного? Например, как твой Илья? – Агата тут же поняла, что сказала лишнего: Илья – муж Кати, хороший человек, но при этом она ему изменяла, пока тот работал в ночную смену, а иногда и сутками.

Девушка встала со стула и направилась к хозяйке квартиры, обиженно опустившей глаза.

– Кать, ты извини, просто я сама знаю, кто мне нужен. – Агата обняла подругу.

И как её угораздило так испортить свою жизнь. Екатерина Мошкина вышла замуж в двадцать лет. Первая влюблённость, муж в ней души не чаёт. Вроде бы полицейский, а преданный как домашний пёс. Выходя за него замуж, Катя надеялась на страсть, на огонь ревности, ведь полицейские ещё те гуляки, а оказалось всё так уныло и обыденно, что в итоге ходить налево пришлось ей.

Девушки постояли в обнимку всего десяток секунд, но этот миг запомнился обоим надолго – они обе подумали о том, что их ждёт в этой жизни, таких красивых и несчастных. Нет, что-то однозначно нужно менять!

Высокая рыжеволосая девушка в халате крепко сжала в своих объятиях тоненькое, почти мальчишеское тельце подруги – Агата и вправду смахивала на мальчика, если бы не пышная упругая грудь второго размера. По нежной розовой щеке Кати скатилась скупая слеза, и она слегка потискала Агату, словно плюшевого медвежонка.

– Совсем с ума сошла?! – Катя спешно отёрла щёку махровым рукавом и широко улыбнулась. – Как я могу обижаться на тебя, ты же чокнутая? – Девушка слегка хлопнула Агату полотенцем, висевшем на её плече, и они улыбнулись с такой лёгкостью, что обычно наступает после проливного слёзопода. – А теперь иди в душ, а то от тебя пахнет, как от бомбажной консервы.

Девушки расхохотались, и Агата отправилась мыться.

У неё из головы не выходил этот утренний конфуз. Такого оскорбления она никак не ожидала, особенно от красивого, можно даже сказать, и галантного, судя по поведению накануне вечером, мужчины, который заставил её получить оргазм пять раз за ночь. Нет, тут явно

что-то не так. Надо во всём разобраться. «Вот домоюсь, – думала Агата, – успокоюсь и позвоню этому козлу снова. Пусть объяснится, чёрт побери. Я никому не позволю обращаться с собой, как со...»

Агата не закончила мысль, совесть не позволяла ей себе соврать. Она ведь и вправду «шлюшка», как раз точно подобранное слово, которого не доставало в предложении. Сколько бы ни говорили продвинутые женщины, что Советский Союз давно канул в Лету, и что теперь сексом можно заниматься, сколько хочешь и с кем хочешь, всё равно ощущение порочности после секса на первом свидании заставило девушку сильнее тереться мочалкой.

Из душа Агата вышла кристально чистая. Розовощёкая без пафосно-клубного макияжа с большими карими глазами, она была похожа на ангела, но не обычного, а скорее из тех, кого изгнали из рая за непослушание и наказаны несовершенством во внешности. Её портил «немодельный» рост – во всяком случае, она так считала, так как не могла похвастаться им: всего метр шестьдесят. Спасали шпильки и платформа – отличная замена недостающих сантиметров.

– Катюх, а ты-то как провела ночь? У вас было что-нибудь? – Агата села на стул с ногами, обхватив руками колени.

Джинсы остались те же, а чистую тунику дала подруга. Из Катиных обтягивающих вещей ей всё было бы велико, а эта выглядела как обычная широкая безразмерная одежда.

– Ничего не было... – Катя слегка покраснела и выдержала паузу, еле сдерживая смех. – У него не встал!

Девочки рассмеялись. Сквозь смех Агата спросила, округлив глаза.

– Это как же так?! Ты что семейники надела? – Новая волна смеха прокатилась по кухне.

Наконец, когда они насмеялись вдоволь, Катя перехватила воздух ртом и рассказала, как все было.

История оказалась короткой. Они приехали к ней, в пылу страсти скинули одежду, а потом – ничего! Пару попыток оказались безрезультатны. Он напряжённо натянул джинсы. Потом без всяких извинений и слов ушёл, хлопнув дверью.

Девочки просидели ещё пару часов, пока не вернулся с работы Илья. Он машинально прошёл на кухню, в полусне поцеловал Катю в лоб и отправился спать.

Катя состроила гримаску:

– Вот так и живём. Ни от кого секса не дождёшься. – Она улыбнулась, но в голосе чувствовались нотки безнадежности и грусти.

Агата прекрасно понимала подругу, но какие-то комментарии в эту минуту казались лишними. Спустя ещё четыре часа душевных бесед, она вспомнила, что пока мылась в душе, думала, что нужно позвонить Косте и пригласить его к стенке. Но номера телефона у неё не было – ещё бы, ведь это он должен был взять её номер! Однако Агата вспомнила, что на комод в спальне, где она сегодня проснулась, стояла стационарная трубка. А такой номер узнать не сложно, ведь она помнит адрес. Повозившись немного с телефонным справочником, она позвонила по фамилии Вербицкий П.М., видимо это родственник или арендодатель. В трубке послышался приятный мужской голос.

– Павел Вербицкий слушает.

Агата растерялась. Это точно был не Костя – как-то понежнее и почище, словно человек ни разу не держал во рту сигарету, но при этом такой низкий и мужественный, что у девушки аж мурашки по коже пробежали. Так часто бывает, когда слушаешь приятную музыку: волосы по всему телу встают дыбом.

– А могу я Костю услышать? – неуверенно спросила Агата, сдерживая волнение. Ведь если на том конце обладатель этого голоса так же красив, как она себе нарисовала, то свой она тоже должна сделать идеальным.

– Нет. А вы кем ему приходитесь?

Агата потерялась и оттараторила первое, что пришло ей в голову:

– Я менеджер по связям с общественностью газеты «Петрозаводский вестник». Один из Костиных клиентов недавно был у нас и порекомендовал его как успешного предпринимателя, хорошая идея для статьи. Хотела бы лично с ним пообщаться. Передайте ему, пожалуйста, трубочку, если можно.

– Я не могу этого сделать – Голос Павла, казалось напрягся и стал деревянно-жестким. – Он умер сегодня утром. Можете приехать на похороны, хороший получится материал для статьи, – уже почти откровенно грубо закончил Павел и повесил трубку.

Агата скривила губы и покачала головой – ну и дела! Не очень-то вежливо с его стороны, но мужика можно простить, особенно если рядом в квартире лежит труп, и неизвестно каким родственником или другом он ему приходится.

Ещё минуту Агата ошарашенная стояла с мобильником в руках, потом подошла к Кате и, смотря как бы сквозь неё, пробормотала:

– Представляешь, вот лажа-то: он умер сразу после моего ухода. Моя колкость о сахаре его убила!

Глава 3

После такой иронии в самый раз можно было рассмеяться, но шок не дал этого сделать. Каким образом молодой двадцатипятилетний человек, чей внешний вид говорил о титаническом здоровье, мог умереть вот так скоропоспешно? Никаких изъяснов на его теле она не заметила, а по тому, как он в постели кувыркался, на сердце тоже вряд ли жаловался. Но появиться на похоронах нужно обязательно, ведь только так она сможет узнать причину смерти.

– Подожди, Агата, – начала немного отошедшая от изумления Катя, – давай прикинем логически. Что если это не просто смерть, а? Что если его убили?

– Сразу же после того, как я ушла? – недоверчиво нахмурилась блондинка, но что-то ей подсказывало, что в словах Кати может иметься смысл.

– Вот именно! – Девушка многозначительно посмотрела на Агату. – И если убийца ещё не найден, и там найдут твои отпечатки, волосы или что-нибудь ещё, ну, ты понимаешь... Давай-ка я позвоню, якобы как его девушка, и узнаю, почему он умер. Думаю, этот Павел не станет грубить убитой горем подруге мёртвого парня.

– Ты права, звони! – Агата знала, что у неё умная подруга, и в очередной раз мысленно похвалила себя за правильный выбор друзей.

Они познакомились ещё в школе, но дружить начали, уже живя в Петрозаводске. Катя – рыжеволосая красавица с тонким умом и широким сердцем. Дерзкая, но немного ленивая она закончила лишь железнодорожный колледж и с двадцати лет работала в компании «Российские железные дороги». Сначала проводницей, где судьба и свела её с приставучим полицейским. Илья влюбился в длинноногую Катю с первого «Ваш билет, пожалуйста». Потом после ранней свадьбы она перешла на должность приёмосдатчика – ревнивый муж не позволял ей одной даже к родителям ездить, которые живут в провинции недалеко от города. Но даже на этой скучной работе она умудряется найти приключений.

Трубку снова взял Павел. После того, как его оглушили рыдания «фаворитки» погибшего, он рассказал причину смерти, но на похороны попросил не приезжать – мол, «соберётся слишком много девушек Константина на один квадратный метр». И снова так же бесцеремонно повесил трубку.

– Вот хам! – Агату начал сильно раздражать этот молодой человек. Да и вообще, слишком много грубостей для одного дня. – Что он сказал?

Катя передала весь разговор: оказалось, что Костя умер от сердечного приступа на беговой дорожке у себя дома, а Павел – его двоюродный брат. Квартира принадлежит как раз ему, а не ночному кавалеру Агаты.

Девушку как будто током ударило, мороз прошёл по коже от мысли, что ночью она спала с трупом, точнее с будущим трупом. Но кое-что ей всё же нравилось в данной ситуации: какое-то приятное раздражение у неё вызывал этот брат Кости.

Решено: она пойдёт на похороны, и ей обязательно нужно увидеть Павла. Возможно, это судьба свела их. Конечно, пусть не самым изысканным способом, но всё же, слишком странной кажется данная ситуация на фоне той обыденности, что окружает её на протяжении долгих двадцати двух лет.

Катя идти на похороны отказалась. Не потому, что Павел мило предложил ей не приходить, а потому что она терпеть не могла закапываний людей. Зато Агата не на шутку включилась в игру.

Вернувшись в общежитие, она неистово начала перерывать шкаф в поисках чёрной одежды. Чёрные брюки выглядят чересчур классически, а чёрное мини платье со стразами навряд ли порадует батюшку, скорее вызовет ещё один инфаркт. А вот это тёплое облегающее платье до колен с вполне умеренным декольте как раз подойдёт для сентябрьского утра.

Соседка по комнате сегодня, как обычно, ночевала у своего парня. Для кастелянши и коменданта место значилось как занятое, но фактически оно всегда пустовало, и Агате нравилось такое положение дел. Ведь в то время, как другим в общежитии приходится уживаться с совершенно незнакомыми людьми, делить общий телевизор и ругаться, чья очередь делать уборку, ей можно было допоздна смотреть любимый сериал, убираться, когда захочет, и плакать при этом столько же!

В этот вечер она не могла сомкнуть глаза и всё рисовала себе мужчину, обладавшего голосом Валерия Меладзе и характером Болконского. Но внешность и голос – штуки обманчивые: а что если он вовсе не похож на своего брата с внешностью фотомодели? Вдруг у него лысина, кариозные зубы и прыщи покрывают всю кожу? Агату передёрнуло от омерзения, и она повернулась на другой бок, с улыбкой представляя, как они с Катей потешались бы над превратностью судьбы. Девушка ещё долго ворочалась в постели, думая о причёске и макияже – всё должно быть идеально. Ведь если всё-таки этот мужчина обладает внешностью Алена Де Лона, то она должна предстать при полном параде.

Во вторник утром Агата не пошла на учёбу, предупредив одноклассников, что поедет на похороны лучшего друга. Ей с трудом пришлось играть скорбящего человека, принимая их соболезнования – просто ужасно, на что она пошла ради встречи с суженым!

Но, что сделано, то сделано, отступать уже поздно. Девушка села в синий «матиз» и назвала таксисту адрес. На кладбище она не поехала: сегодня день точно не предназначался для слёз, и Агата отправилась прямо на квартиру, где должны были проходить поминки.

Сквозь хмурые дождевые тучи начали проникать тонкие, но яркие лучи солнца. Погода налаживалась, и её настроение принимало все более боевой тон. Но как только она вышла из машины и подошла к столпившимся людям в чёрном – причитающим бабушкам и взхлёбывающим женщинам, – то и к её горлу тоже подкатил ком. Какая досада! Если тушь сейчас потечёт, то её плану конец.

Но сдерживаться было невыносимо, общее рыдание вибрацией заразило и её. Как она могла оставаться бесчувственной, ведь умер молодой человек, в самом расцвете сил, пышущий олимпийским здоровьем. Он всего на три года старше Агаты, а старуха с косой уже приложила к нему свои костлявые пальцы. И девушка больше не сдерживала слёз – она стояла среди всех этих людей, красивая и молодая, а из аккуратно накрашенных тёмных глаз цвета янтаря текли ручьи сочувствия, горя и вообще всего, что накопилось в душе. Ей даже почему-то вспомнилось, как в детстве соседка отобрала у неё мороженое. Какая мелочь, но от этого Агата ещё с большей силой разревалась прямо во весь голос.

Вдруг, на её плечо легла чья-то тяжёлая рука. Боясь пошевелиться, Агата перестала плакать, и искоса посмотрела в сторону руки.

– Дорогие дамы, проходите в дом. Поминки уже начинаются, – послышался прямо за спиной девушки голос, обращающийся ко всем рыдающим женщинам во дворе.

Тот же самый голос, что и в телефонной трубке! Такой же беспардонный и вместе с этим приятный. Агата быстро вытерла слёзы, вдохнула полной грудью, повернулась лицом к говорившему – и слова застряли в её горле: господи, да он ещё красивее брата!

Только эта красота не была такой слащавой – перед ней стоял настоящий потомственный самец. Тёмно-коричневые волосы с пробором на левой стороне – типичная классическая стрижка, прямой греческий нос длинноватый, но лишь усиливающий брутальность, немного пухлые губы и небесно-голубые глаза. Густые тёмные брови и крепкий, идеально выбритый подбородок составляли полный ансамбль со всем остальным. В этот миг он жутко ей напомнил Уильяма Болдуина в молодости.

– Добрый день! – Павел улыбнулся во все свои белые зубы.

Он издевается над ней. Высокий, в чёрном, идеально сидящем на красивом спортивном теле костюме, он все ещё держал кисть пуки на её плече, а теперь даже посмел заговорить. Дар речи к ней вернулся, когда Агата поняла застывший в его глазах немой вопрос.

– Агата. Меня зовут Агата Сахар. – Девушка с не менее прекрасными чертами лица всё же чувствовала себя не так уверенно, как раньше, – этот молодой человек совершенно выбил её из колеи.

Но отступать уже позднее некуда. Даже если это будет полный провал, она должна хотя бы попытаться его закадрить.

– Я Вам звонила недавно, специалист по связям с общественностью, помните? – Она мило улыбнулась, а потом нарочито медленно моргнула, стоя всё ещё полубоком к нему.

– Так вы не спали с моим братом? – спросил Павел, но увидев как девушка оскорбилась столь откровенным вопросом, поправил себя: – Простите, Агата, просто из всех молодых женщин, которые пришли на похороны, вы единственная, кто не является его любовницей.

Агата чуть не поперхнулась собственной слюной. Уж чем она и отличалась от остальных девушек, так точно не тем, что обошлась без секса с покойным, а скорее тем, что была последней в его жизни. Но Павел об этом ни в коем случае не должен узнать. Он продолжил, а она еле удержала нервный тик под левым глазом, стараясь всё также стоять к нему полубоком.

– Просто терпеть не могу беспорядочные половые связи. И никак не могу понять, зачем ему было столько женщин!

Слова брюнета умилили Агату. Этот мужчина такой непорочный, правильный. Как она может вообще подходить к нему, не то, чтобы даже общаться?! Но теперь молчать было уже просто неприлично, ведь он практически душу ей открывал.

– А Вы не такой, как Ваш брат? – Она медленно как кошка повернулась к нему лицом и посмотрела прямо в бездонные глаза.

– Нет, не такой. А вы? – В глазах блеснул огонёк, как будто он пытал её взглядом.

Но на лице всё та же безмятежная с лёгкой надменностью улыбка говорила сама за себя: «Ты попала, крошка. От твоего ответа зависит наше будущее».

– Нет, – сглотнув, ответила Агата и, покинув своего собеседника, направилась в квартиру.

Двигаясь за гостями, она большим глотком схватила воздух, так чтобы он этого не видел.

Снова та же квартира. Только теперь все зеркала в ней завешаны тонкими покрывалами из чёрной ткани, и причитающий гомон вперемежку с завываниями полностью изменили энергетику этого места. Находиться в такой квартире Агате совершенно не хотелось. Глазами она стала искать балкон – быстрее, а то от всех этих свечей у неё сейчас закружится голова, и совсем не хотелось бы кадрить Павла в полуобморочном состоянии.

Балкон находился прямо в зале, где было больше всего народу, и Агата почти бегом двинулась туда, аккуратно отодвигая стоявших на пути людей. Только почуввав свежий ветерок осеннего полудня, ворвавшийся в приоткрытую дверь балкона, она обернулась и увидела стоявший посреди комнаты стол с фотографией в чёрной рамке. На ней молодой статный красавец, который ещё в субботу танцевал с ней, полный жизни, а теперь по какой-то непонятной причине его не стало. Агата вышла на лоджию, пустую от всякого ненужного хлама, который в российских квартирах часто хранится именно здесь.

«Он не мог просто умереть от сердечного приступа, это неправильно, что-то здесь не так», – думала она. Всматриваясь в Онегу, переливающуюся на осеннем солнце всеми оттенками синего, Агата гадала так и этак, а не мог ли кто-то прийти в квартиру после неё?

Позади чуть скрипнуло, и девушка обернулась. Павел прошёл на тёплый, сделанный из искусственного меха белый коврик лоджии и плотно закрыл за собой дверь. Он встал справа, опёрся рукой о деревянный подоконник и пристально посмотрел на Агату. Всё та же ухмылка, как будто его вовсе не беспокоит смерть брата. Ни единой нотки печали или хотя бы безразличия. Он явно улыбался – уж слишком это подозрительно.

– Ну, и что мы здесь делаем? – спросил он, отведя взгляд на безмятежное озеро за стеклом.

– Павел, послушайте, как именно умер Костя? – Агата повернулась к молодому человеку и, играя роль дотошной журналистки, быстро добавила: – Нет, не то чтобы я Вам не верю, просто сердечный приступ у такого молодого парня выглядит, прямо скажем, не совсем правдоподобно.

– А откуда Вы знаете о сердечном приступе? Я, кажется, ничего не говорил об этом по телефону. – Выражение на лице Павла сменилось недоверчивостью.

Требовалось срочно исправить оплошность, и Агата тут же нашлась:

– Я же специалист по связям с общественностью, помните? От меня не ускользнёт никакая информация. – Девушка улыбнулась по возможности небрежно; и, кажется, он ей повеяло – пора продолжать наступление: – Так, что с ним случилось? – суховатым деловым тоном поинтересовалась она.

Молодой человек тяжело вздохнул, видно было, что ему от этой навязчивой особы не отделаться.

– Обещайте, что не напишите этого в своей газете, и вообще, что об этом никто не узнает, – попросил он.

Агата кивнула, глядя в его небесные глаза в ожидании правды. Правды раскаявшегося убийцы. Даже такое ужасное преступление она бы, наверное, ему сейчас простила – за этими божественными глазами она готова была пойти на край света.

– Костю нашли на беговой дорожке, – сказал Павел, – у него действительно произошла остановка сердца, но не от перегрузок, точнее – не только от них. В крови у него оказался сильный психостимулятор – метамфетамин¹ в большой дозе. – Агата все ещё не сводила с него глаз, слушая, приоткрыв рот. – Я знал, что Костя употреблял изредка эту дурь, и всегда предупреждал, как это опасно, но он не слушал. Он вообще старался свести к минимуму наше общение. – Мужчина сделал глубокий вдох носом и продолжил: – В последнее время мы практически не общались. Моя вторая квартира на другом конце города, там я ближе всего к своей работе. Эту квартиру у меня снимал Костя, лишь раз в месяц я приезжаю сюда проверить, всё ли в порядке...

– Так если бы ты не приехал тогда утром... Ой... – Девушка осеклась и тут же спросила – Ты ведь не против перейти на «ты»? – Он кивнул и Агата повторила вопрос: – Если бы ты тогда не приехал, то возможно он так и лежал бы здесь?

Павел уже не выглядел столь бодро, как раньше, казалось, он вот– Вот сорвётся. Но, само собой, сорваться при женщине, практически, девчонке, он не мог себе позволить. Молодой человек сжал губы, быстро проморгался и, сглотнув, тяжело выдохнул, а Агате стало понятно, как ему удаётся держаться таким невозмутимым.

Девушка продолжила:

– Это ужасно. Неужели у него не было друзей? А как же... – И тут Агата снова осеклась, но уже серьёзно укорив себя за столь явную неосмотрительность. Ведь если она сейчас скажет про Андрея – того парня из клуба, партнёра Кости, то может разрушить миф о себе, непорочный образ, который она создавала для Павла.

– Так значит, ты редко с ним виделся? – сменила тему она.

– Да, у нас совершенно разные жизни. Когда после смерти отца мне по наследству достался лесоперерабатывающий завод в Пудоже, я наконец-то смог полностью обратить своё

¹ **Метамфетамин** – наркотическое вещество в белых кристаллах, которое вызывает серьёзную зависимость. Метамфетамин принимают тремя способами – курение, вдыхание через нос, внутривенные инъекции. Сначала вызывает ощущения гиперактивности, уверенности в себе, энергии, ощущения благополучия и счастья. Потом происходят необратимые изменения в химическом составе мозга, галлюцинации, суицидальные попытки, опухоли в носовой полости. С первого приёма вызывает зависимость. Сильный психостимулятор.

внимание на более интересующие меня вещи. Завод отлично работает и без моего участия, я лишь иногда туда приезжаю, даю указания, и возвращаюсь в город. Зато здесь у меня настоящая работа: я построил на окраине Петрозаводска воспитательное учреждение для трудных подростков под контролем МВД² России. Но правоохранители не вмешиваются в мои методы перевоспитания – там работают настоящие профессионалы, воспитатели, этические офицеры³, которые ни в коем случае не используют телесные наказания, принуждение или психологическое воздействие...

Павел вдруг словно засветился каким-то очень тёплым светом, чувствовалось, что он любит именно эту свою деятельность. Потом он немного погрустнел и продолжил:

– Костя жутко злился, что мне не приходится вкалывать, чтобы зарабатывать, что я могу заниматься всякой «фигнёй», так он называл всё это. – Павел хмыкнул, но горечь обиды явно все ещё жила в нем. – А я не одобрял его разгульной жизни – ночные тусовки, наркотики, беспорядочный секс... – Агата снова почувствовала себя неуютно, её руки невольно натянули платье от уровня декольте почти чуть ли не до самых ушей. – Вот так мы и жили. У нас было мало общего и слишком много противоречий.

Молодой человек закончил говорить, втянул воздух, раздувая ноздри, и, повернувшись, опёрся спиной на подоконник. Глаза его уставились на Агату. Он снова улыбнулся, но теперь уже намного теплее:

– Ну, теперь ты рассказывай, как стала обладательницей такой необычной фамилии.

Девушка бы хихикнула, если б не поминки, но не улыбнуться было сложно.

– Фамилия? Что ж, слушай. Моя бабушка работала на конфетной фабрике... – начала она, но Павел её перебил:

– Стой, стой, стой! Я уже чувствую, что это неправда. У меня на такое нюх. – Павел улыбался, одна его бровь хмуро надвинулась на глаз.

Вот ирония! В каком-то несущественном рассказе он почуял ложь, но в самом главном её притворстве даже не подозревал о какой-либо неискренности.

– Ты прав, это ложь... – Агата сдалась, мило улыбаясь. – Ещё в школе я поняла, что не отделаюсь правдивым рассказом о своей фамилии, мне никто не верил, и придумала целую историю её приобретения, в которую почему-то верили все до тебя. Ты первый, кто меня раскусил. А на самом деле всё довольно-таки прозаично: мой отец был Сахар. И мой дед был Сахар. И все пращуры, насколько мне известно моё генеалогическое дерево, носили фамилию Сахар. Не знаю уж, насколько они были сахарными мужьями в период домостроя⁴, но такова правда. И никакой другой истории об этой фамилии я не знаю.

Тут Павел расхохотался от чистого сердца – ему уже было не до людей, сидящих в зале, родителей, дядь и тёть, друзей и знакомых, традиций и манер поведения. Агате и самой хотелось засмеяться, но она понимала, что, возможно, это просто заряд накопившегося горя, который ищет выход в смехе, вместо слёз. Она положила руку на его и сильно сжала, так как обычно делают родные люди, оказывая поддержку и мысленно говоря «Я с тобой». Теперь Агата уже не думала, что он причастен к смерти брата, это просто невозможно.

Но в её голове всё сильнее укреплялась идея о том, что это точно не случайность. Костя не выглядел человеком, желавшим покончить с собой, а тогда зачем ему было пить кофе перед

² **МВД** – Министерство внутренних дел. Орган исполнительной власти, государственное учреждение, в большинстве стран, как правило, выполняющий административно-распорядительные функции в сфере обеспечения общественной безопасности, охраны правопорядка, борьбы с преступностью.

³ **Этические офицеры** – администраторы в «Центре», следящие за тем, чтобы воспитанники соблюдали правила, установленные в данном учреждении. При нарушении правил к нарушителям не применяется насилие или жестокие меры наказания. Для предупреждения нарушений используются воспитательные методы: личное общение, профилактические беседы, помощь в исправлении ситуации.

⁴ **Домострой** – патриархально-суровый и консервативный семейный быт. Муж – глава семьи. Свод законов под тем же названием и популярность имели место быть в XVI веке.

употреблением наркотиков и заниматься физическими упражнениями? После её ухода в квартире кто– То точно побывал. Но кто?

– Ты очень добрая, – сказал Павел. Теперь он уже не смеялся, он взял её руки в свои и с глазами полными нежности произнёс: – Приходи ко мне в «Центр»⁵, посмотришь, чем я занимаюсь. Я покажу тебе ребят, которые сами делают мебель, чинят автомобили.

– О, конечно! – Она удивилась столь внезапному порыву, неужели она его зацепила? Этот богатый и красивый мужчина на неё запал, сомнений нет. С полной уверенностью в себе Агата вскинула одну бровь и, хитро улыбаясь, спросила: – Так ты меня на свидание приглашаешь?

Павел ещё секунду помедлил, потом крепче сжал кисти её рук, и глядя в самые глубины карих глаз девушки, сказал:

– Агата, не хочу тебе лгать. Ты мне понравилась, но между нами ничего не может быть. Дело не в тебе, дело во мне... – Он отпустил её руки и повернулся к окну, за которым уже шёл мелкий дождь, и осенняя серость скрыла последние признаки бабьего лета. – Я не могу предложить тебе ничего больше, чем дружба. Решать тебе. Но поверь, мне бы очень хотелось, чтобы ты стала моим другом.

⁵ «Центр» – вымышленное исправительно-воспитательное учреждение в романе.

Глава 4

Девочки сидели в кафе «Дежавю» в среду после учёбы. Запах блинчиков под мёдом и зелёного чая будил зверский аппетит вечно голодающих от диет желудков.

– Он так и сказал? – Катя выпучила на Агату глаза, грея руки о горячую чашку. Она была обмотана палантином, огненные волосы лежали кудрями на плече собранные в хвост.

– Да, представляешь?! – возмущённо сказала блондинка.

Голубая хлопковая водолазка идеально обтянула туловище, так что грудь выгодно смотрелась на общем фоне мальчишеской фигуры. Бледное лицо со слегка заметными синяками, образовавшимися от бессонной ночи, профессионально замаскировал тональный крем и тушь для ресниц. Даже в таком виде девушка выглядела привлекательно, и с соседних столиков ей то и дело подмигивали зашедшие в кафе на обед бизнесмены. Но ей было не до них – все внимание забрал Павел.

После их вчерашнего разговора на лоджии Агате хотелось сбежать и больше никогда его не видеть. Весь этот фарс, придуманный ею для завоевания своего суженного, оказался бесполезным – она опозорилась, задав ему идиотский вопрос о свидании. Но хуже того, она согласилась приехать в субботу в «Центр» к Павлу и стать его другом. Господи, какое унижение! Другом, всего лишь другом.

– Знаешь, Катюх, такого со мной ещё не было. Если мне отказывали, то парень тут же переставал мне быть интересен, или он давал мне хотя бы шанс. Но здесь же, шансов никаких, зато он продолжает мне нравиться не меньше прежнего. Даже, кажется, больше, чем раньше. Он словно привязал меня к себе! – Агата откусила кусок блина, завернутого в салфетку с одного конца, и отхлебнула чаю. Её ноздри вздымались как у коня после галопа.

– Ужасно, – сочувственно произнесла подруга. – Может, у него кто-то есть? Или он голубой? – посыпались вопросы, зависшие в воздухе; Агата задумалась. – Или он маньяк, который защищает тебя от себя, потому что ты ему понравилась? Он же так сказал? – Катя задорно пошевелила бровью.

– Да. Он точно сказал, что я ему нравлюсь, но в тот момент я испытала такое унижение, что эти слова растворились в общей ситуации. – И тут девушку осенило. Она с грохотом поставила чашку на стол и воинственно произнесла – Есть только один способ узнать, что означает сказанное им – продолжить с ним общаться! Я поеду к нему в субботу, а потом в воскресенье, если понадобится. Я буду ему другом, как он этого хочет.

– Хорошо, – тут Катя немного понизила голос и заговорщицки наклонилась, – советую надеть юбку покороче и нечаянно наткнуться на него пятой точкой. Так ты сможешь отбросить все ненужные варианты.

Девочки дружно рассмеялись. За соседним столиком трое по-деловому одетых молодых мужчин, улыбаясь, посмотрели на них. Потом один встал и подошёл.

– Девушки, не желаете присоединиться, разбавить наше с друзьями одиночество?

– Нет, спасибо. У нас разные вкусы. – Агата натянула улыбку и нежно взяла Катю за руку; та тоже улыбнулась.

Смущённый бизнесмен удалился обратно к скучающим мужчинам.

Девочки снова рассмеялись. Это была их тайная «фишка»: если им не хотелось знакомиться с кем-то, они притворялись консервативными лесбиянками. Вот только такое они обычно проделывали со страшненькими, небогатыми или чересчур наглыми парнями, но никогда не отказывали таким приличным молодым людям. В этот раз произошло что-то странное, и Катя знала, почему подруга так сделала, даже если сама Агата боялась себе в этом признаться: она влюбилась.

– Ну ладно, теперь моя очередь... – Рыжеволосая красавица опрокинулась на спинку стула, вальяжно запрокинув ногу на ногу. Потом выпустив табачный дым, начала, еле сдерживая улыбку – Илья вчера такое учудил! Комедия, ей богу. – Агата выпрямилась и, немного отвлёкшись от раздумий о субботе, внимательно стала слушать Катю. Её истории обычно были живыми и даже смешнее, чем в анекдотах. – Вчера прихожу я, значит, уставшая с работы. День выдался не из лёгких, даже пообедать не удалось. Так вот, часов в восемь вечера голодная и злая с кучей пакетов из магазина, вваливаюсь я в квартиру. Захожу в комнату, а там картина маслом. Сидит, значит, мой благоверный с бутылкой пива. Напротив него на шифоньере висит... приготовься! – Катя посмотрела на заморожённую Агату, изо всех сил сдерживая смех. – Моя форма, та первая, когда я ещё проводником работала, полный комплект. На вешалке пальто, под ним рубашка с юбкой, к полам пальто на прищепках туфли висят, а сверху как будто голова, шапка меховая. – Девушки разразились таким хохотом, что аж слезы из глаз потекли. – Это ещё не все, – продолжила Катя. – Поворачивается он ко мне, а лицо всё мокрое и такое грустное. В этот момент я просто истерически залилась смехом. Злая, голодная, уставшая, но я уже не выдержала. Он настолько соскучился по мне, что смоделировал из одежды мой образ! – Девушки всё ещё продолжали смеяться, судорожно вдыхая воздух, чтобы хоть как-то прийти в себя.

– Бедный. – Агата перестала смеяться. Ненадолго ей даже показалось, что Илью есть за что пожалеть, ведь ему досталась Катя, девушка – хорошая как подруга и ужасная как жена. – Хотя, если бы у Илюхи была хоть капелька чувства собственного достоинства, то до такого он бы не опустился.

Больше всего на свете ей не нравилось испытывать сочувствие к другим. Мышцы сводило от одной мысли о жалости к кому-либо. Жалеть – значит становиться слабее и лишать сил того, кто итак уже настолько ничтожен, что ещё одно сочувствие – и он сорвётся вниз, в пропасть под названием «безнадёжность и депрессия».

– Тебе пора домой, дорогуша, а то ты скоро начнёшь тут философствовать – Катя посмотрела на Агату, как на сумасшедшую, которой только что поставили этот диагноз и отправляют в палату отдыхать.

Ужасно, неужели она совсем скоро перестанет шутить и смеяться, как они это делали раньше? Нет, просто она не выспалась и сейчас пойдёт домой, чтобы как следует сбить с себя налёт серьёзности и снова иронично подшучивать над мужским населением.

Мило поцеловавшись в щёки, девушки разошлись по своим маршрутным такси. На улице уже темнело, в воздухе стоял запах сырой земли. Возле общежития находилось самодельное футбольное поле, по которому ещё бегали усталые ребята. Мускулистые ноги в кроссовках, мокрые футболки облегающие красивый торс, раньше ей бы это, как минимум, понравилось, но не сейчас. Она скучно отвернула голову и зашла в помещение. Комендант отметила, что девочка бледновата, ине нужна ли ей хорошая встряска в виде вечерней помывки коридоров? После такого замечания Агата быстро пришла в себя, потеряв щёки, которые мигом покраснелись, и, улыбнувшись женщине, похожей на Фрекен Бок, пошла дальше.

Как ей ни хотелось спать, мысли одолевали потоком ненаписанных СМС и несказанных слов. Ещё целых два дня, и только на третий его величество, возможно, соизволит ответить на её вопросы, почему «только друг», и что говорит полиция по поводу Кости. Она крутила мобильник в руках, но писать нельзя, а уж звонить – тем более.

«Господи, как хочется, чтобы этот день скорее настал, или чтобы его вообще никогда не было. Пусть в пятницу вечером меня выкрадут инопланетяне. Или нет – лучше впасть в летаргию на годик-другой. Хоть выплусь уже, наконец».

Улыбнувшись своим мыслям, Агата заснула.

Глава 5

День обещал быть солнечным. Деревья, покрытые радугой тёплых оттенков, так и манили окунуться в их щедрые дары, рассыпавшиеся золотом на прохладной земле. Но, всё же, одеться нужно теплее, сентябрьские вечера не отличались высокой температурой, а на сегодняшний вечер Агата надеялась даже больше, чем на день. Ведь именно в это время суток обычно раскрывается гормональный букет, и половое влечение даже у самых неприступных поднималось на несколько планок вверх. Как минимум на поцелуй она могла рассчитывать.

Обтягивающая синяя велюровая юбка до колен, бардовая вязаная узорами кофта с глубоким вырезом, такого же цвета ботильоны и бежевые капроновые колготки смотрелись на блондинке суперсексуально, но при этом ничуть не вызывающе, а уж, тем более, не развязно. Сегодня она расскажет ему всю правду о себе. О том, что любит, точнее, любила до встречи с ним, потаскаться по клубам, переспать с первым понравившимся парнем на пьяную голову, и самое главное то, что Костя умер сразу после ночи с ней. Да, именно, с ним она тоже занималась сексом...

О господи, а что если он сочтёт её убийцей? Тогда он точно не приблизится к ней ближе, чем на сотню метров. О том, что Павел испытывает крайнюю неприязнь к распутным женщинам, она беспокоилась не так сильно, ведь двадцать первый век, как-никак, наверняка он ещё более продвинутый, чем она, просто прикидывается.

Эта мысль ей явно не понравилась, лёгкая тошнота подступила к горлу – он же не такой, как все, он особенный, и Агата это чувствовала.

Нечего раздумывать – сегодня или никогда! Однозначно нужно всё рассказать и узнать правду. Ложь может пригодиться в экстренной ситуации, но если она намеревается завязать серьёзные отношения, хотя бы и дружеские, до поры до времени, то нужно быть предельно откровенной. Но пока он не расскажет всё о себе, она будет нема как партизан.

Агата надела синее драповое пальтишко, обернулась снудом⁶ цвета молочного шоколада, и напоследок улыбнувшись себе в зеркало, вышла из комнаты.

Общежитский двор и воркующая на скамейке парочка – вот и всё что успела увидеть Агата перед тем как распласталась на асфальтовой дорожке у самого крыльца. Каблуком она зацепилась за порог, о котором тысячу лет знала и ни разу даже не споткнулась, а теперь, пролетев все четыре ступеньки, Агата лежала брюшком вниз, как скарабей после крутого пикирования.

«Что ж, это явно судьба меня наказывает! Так я и до «Центра» не дотяну. Надо скорее избавиться от этой лжи, а то, не дай бог, ещё что-нибудь случится», – подумала девушка, отряхивая пальтишко, и осматривая себя. Колготки, к счастью, остались целы, а вот перчатки слегка треснули. Вскинув подбородок, она улыбнулась парочке на скамейке, как бы говоря «Со мной все в порядке, жива!», и гордо поковыляла к остановке маршрутки.

* * *

За Древляночным кольцом со стороны леса красовались разнокалиберные постройки, окружённые широким сетчатым забором. Это была не колючая проволока, а просто металлическая сетка, да и выход с территории никто не ограничивал. Как позже объяснил Павел, это учреждение открытого типа, и именно поэтому никто не стремится оттуда сбежать. Здания строились на европейский манер, светлые чистые, новые. «Центр» существовал всего четыре

⁶ Снуд – шарф, известный также как шарф-труба или шарф-хомут, представляет собой связанный по кругу шарф без начала и конца.

года, но его бы до сих пор не создали, если бы не Павел. В начале двухтысячных годов очень кстати вышел закон об организации таких мест в России, и Вербицкому не долго пришлось настаивать, тем более, что он предложил суммировать свой и государственный бюджет для такого дела.

На территории находились беговые дорожки и клумбы, ближе к лесу разместили футбольное поле, а небольшой автомобильный парк с помещениями охраны расположили ближе к дороге. Среди зданий виднелось два общежития, для девочек и мальчиков, учебный корпус, часовня, но всё это красовалось среди множества деревьев и кустарников различных пород, видимо посаженных обитателями этого курорта. Не долго Агате пришлось разглядывать маленький кампус, стоя за забором – по асфальтированной дороге уже торопливо шагал её темноволосый ангел. По-другому его нельзя назвать. То, что он являлся автором этого места, уже причисляло его к лику святых.

– Сахар, рад тебя видеть. – Он подошёл почти вплотную, галантно поцеловал руку и спросил. – Готова?

– Конечно, мсьё, – рассмеялась Агата.

Девушка взяла Павла под руку, и они двинулись внутрь. Все её напряжение растворилось в его светящихся глазах и широкой улыбке. Лишь один уголок сознания периодически показывал: «ты должна ему все рассказать, Агата». «Не сейчас», – мысленно шикнула оставшаяся часть её «я».

Первым делом Павел повёл Агату в учебный корпус, где на первом этаже располагались школьные классы. С удивлением девушка смотрела на снующих мимо детей разных возрастов, разбегающихся по кабинетам.

– Суббота, разве они не должны отдыхать? – поинтересовалась она.

– Они не устают, чтобы им отдыхать. К тому же им нравится учиться. – Такое ощущение, что этот мужчина со светящимися небесной лазурью глазами, испытывал неимоверное удовольствие от удивления Агаты, он жутко гордился своим детищем и не намеревался останавливаться.

А она как столичный ревизор с самой настоящей дотошностью готова была заглянуть в каждый уголок всех корпусов. Не потому, что ей это нравилось, а потому что она видела, как это нравится ему.

На втором этаже кабинеты предназначались для изучения курсов по специальности «техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта» для подростков, закончивших школу. Практикой занимались в том самом автопарке у дороги. После этих курсов, как рассказывал Павел, ребята получали дипломы государственного образца и могли работать по этой специальности, где угодно. Для девушек проводили занятия по менеджменту и рекламе. Постоянных преподавателей здесь не было, как пояснил молодой человек, они приходили сюда лишь прочитать лекции и получить отсчитанные щедрой рукой Павла купюры. То, что предлагало государство, ни за что не заставило бы их тратить свои «драгоценные» часы на этих деток из клеток. Самому Павлу не понравилось сказанное им, и он пренебрежительно фыркнул.

Далее последовала часовая прогулка по общежитиям, в которых подростков встречалось значительно меньше, чем в предыдущем здании. Мальчишеское жильё выглядело опрятно, все кровати заправлены, нигде по углам не стояли носки, и только лёгкий беспорядок, указывал на жизнь, присутствующую здесь вне занятий. У девушек было почти также, но картина оживлялась знакомым Агате по женским комнатам в собственном общежитии тошнотворным запахом из ядерной смеси дезодорантов, лака и духов, намертво застывшем в воздухе.

Павел представлял её то одному, то другому ребёнку, встречавшемуся на пути, а потом строго, но в то же время и мягко отправлял их учиться. Молодой мужчина также знакомил Агату со служащими, и было хорошо заметно, что все они значат для него нечто большее, чем

просто подчинённые. «Друзья», правильное сказать, – ведь они прямо светились при встрече с ним.

Агата внутренне съёжилась. Он слишком для неё идеален. Пора бежать, смываться, сверкать пятками, линять – это можно назвать как угодно, но находиться рядом с ним с каждой минутой становилось всё тяжелее.

– Агата, ты не голодна? – вдруг прервал её размышления мелодичный мужской голос.

– Да. Я не против перекусить.

«Перекусить» – мягко сказано. Сейчас она почти падала в обморок от голода, усталости и чувства вины. Хотя последнее скорее походило на желание провалиться сквозь землю, чем потеря сознания. Приличная доза сахара ей бы сейчас не повредила.

Сев за деревянный столик в столовой, в которую через полчаса забегут возбуждённые полученными знаниями подростки, Агата отхлебнула из стакана компот и начала:

– Паш, я должна тебе кое-что сказать...

«Блин, как в бразильском сериале», – мысленно разозлилась на себя девушка. И лучше бы она не останавливалась, потому что Павел тут же перебил:

– Я знаю. – Она округлила глаза, а компот чуть не полез обратно, но уже через нос. Он сразу же продолжил, нежно положив ладонь на её крепко зажатый кулак с салфеткой внутри: – Я знаю, ты устала от всех этих походов и не нужно прикидываться, что тебе это нравится. Ты блестяще продержалась полтора часа и не переживай, больше я не заставлю тебя скучать.

Агата глубоко вздохнула, нельзя сказать, что без облегчения, а Павел продолжил уже более весело:

– Сегодня в три часа состоится футбольных матч, играют ребята-студенты и выпускники девятого класса этого учебного года. Обещает быть жаркая игра. – Он подмигнул, а девушке, у которой бешено колотилось сердце, оставалось только кивнуть в ответ и постараться мило улыбнуться.

Прожевав последний кусок котлеты, она снова собралась с духом, и открыла, было, рот для рассказа о себе, как прозвенел звонок, и дети по одному, а потом и общим потоком полились в столовую. Человек пятьдесят девочек, мальчиков, девушек и парней заполнили собой всё пространство обширного помещения. Обычные молодые люди, но с явными отпечатками непростой жизни на лицах, оживлённо и весело болтали друг с другом, набирая еду в подносы.

Одеты все были просто, но не в одинаковую форму, как можно ожидать в подобном заведении. Многие носили джинсы, некоторые девочки – приятные платица разнообразных расцветок. На всех разные рубашки, футболки, кофточки, блузки, курточки – чего-то схожего, кроме джинсов, попадалось немного.

На вопрос Агаты Павел рассказал, что намеренно не вводил в «Центре» стандарт одежды – дети должны чувствовать себя не в «казённом доме», а в доме настоящем, родном. Тем более что в отличие от обычной школы, где отпрыски богатых родителей могли щеголять в дорогих тряпках, недоступных многим сверстникам, здесь в этом смысле все были равны.

– Мы выдаём деньги, в пределах разумного, конечно, и ребята покупают себе сами, что пожелают, – объяснил он. – Централизованно закупаем только рабочую одежду для практических занятий.

Ещё через миг в столовую вбежал маленький мальчик, чёрные кудрявые волосы окаймляли смуглое взрослое лицо, большие карие глаза светились простотой и лёгкой нервозностью. Агате он живо напомнил Яшку-цыгана из виденного как-то по телевизору старинного фильма «Неуловимые мстители» – такой же горящий взор, такой же напор и порывистость в движениях. Не хватало только красной шёлковой рубахи, ну и ростом парнишка не вышел.

Маленький четырнадцатилетний цыганёнок с телом восьмилетки немало пережил в своей жизни горя и страха, но при этом не утратил и смелости радоваться в полную силу. Он

лихо подбежал к столику Агаты и Павла и высоким, ещё не огрубевшим голосом начал безостановочно тараторить на довольно-таки хорошем русском языке.

– Здравсьте, Павел Максимович. Уже кушаете? А-а-а, это та самая красotka, о которой Вы мне рассказывали. Он много о Вас говорил.! – Агата хихикнула, а по лицу Павла разлилась краска.

Мальчик стрельнул огромными чистыми глазами на Агату, потом перевёл взгляд на Павла:

– Вы уже сказали ей об Ольге? – Потом снова посмотрел на недоумевающую девушку, в то время как Павел стал совершенно пунцовым, и добавил, нахмутив густые чёрные брови: – Ещё та гадина... ой, извините за это слово, всю жизнь ему испортила. Но Вы не такая, я по Вам вижу, у Вас светлые волосы, а это признак доброй души. Так моя мама говорит. Поэтому все старики добрые.

– Ну я бы поспорила, – улыбнулась Агата, а Павел тем временем пришёл в себя.

– Ладно, всё, иди уже, маленький болтун! – нисколько не злясь, но всё же с напускной строгостью сказал он, и мальчик, ещё раз озорно взглянув на Агату, двинулся в сторону кастрюль с едой.

Павел откашлялся, всё ещё красный как рак, он не сводил глаз с тарелки, как будто там лежало что-то очень интересное. Тут Агата поняла, что именно сейчас самое время взять разговор в свои руки. Этот красивый мужчина сидел как маленький мальчик, которого наказали за украденную конфету. Размышлять здесь было нечего: то галантный, то хамоватый молодой человек – ещё та загадка, и Агате представился шанс разгадать её прямо сейчас.

– Павел, давай поговорим. – Она нарушила неловкое молчание своим нежным голосом.

Мужчина посмотрел в глаза Агаты цвета шоколада, окаймлённые густыми чёрными ресницами. Сейчас они манили теплотой и заботой, согревая его потревоженные холодом болезненного прошлого мысли.

– Ты можешь мне рассказать про эту Ольгу? – спросила девушка.

– Нет, – вдруг сухо ответил он и, вытерев рот салфеткой, резко встал из-за стола. – Жду тебя на скамейке на улице.

Агата не сильно торопилась. Оглядев небольшое помещение, она остановила взгляд на нём том самом говоруне с кудрями Будулая. «Иди-ка сюда», – она поманила пальцем, изображая строгую учительницу, которая сначала всё выпросит с пристрастием, а потом в случае неудовлетворительного ответа поставит в угол. Конечно, такого она бы себе не позволила, но суровый вид как минимум заставил его мигом подбежать.

– Как тебя зовут, солнце? – спросила Агата черноволосого цыгана.

– Тагар. Для русских я просто Вася Мазикин, так легче запомнить. – Он расплылся в улыбке и добавил: – Хотел бы я, чтобы Вы были моей старшей сестрой или второй мамой.

Ещё никогда с ним не беседовала такая красивая русская девушка. Собственно, все мысли он тут же высказал вслух.

От этих огромных глаз невозможно было спрятаться, он словно видел её насквозь, как на ладони, так же отчётливо и чисто, как выдавал всё, что рождается у него в голове. Но не видел он одного, её порочности, как говорил Павел о таком поведении.

– Что ж, Тагар, я Агата, Агата по фамилии Сахар, – мальчик расхохотался тоненьким голоском, – но я не съедобная. – Цыганёнок перестал смеяться и, склонив голову набок, посмотрел на неё:

– Вы смешная, Сахар.

– Мне тоже очень приятно, – сказала девушка, и сразу пожалела, потому что Тагар явно не понял её шулки. – Слушай, садись за мой столик, пообедаем вместе, раз наш благодетель нас покинул.

Мальчик тут же сбегал за подносом и через миг уже уплетал макароны по-флотски, молча глядя на белокурого ангела своими прожекторами, пока та не заговорила.

– Расскажи мне про эту Ольгу.

– А что рассказывать? Павел Максимович был женат на простит... Ой, извините! – Тагар закрыл рот ладошкой, и поняв, что его никто не ругает, продолжил: – Ну, на женщине спящей с другими мужчинами за деньги, понимаете?

– Да, я поняла, о чём ты, – сказала Агата с серьёзным видом внимательно слушающего собеседника; изнутри её всю сжало, но сейчас не время отвлекаться на свои ощущения, надо дослушать до конца. – Продолжай.

– Продолжать-то нечего... – как-то вяло сказал Тагар.

Непонятно зачем, он говорил так, как будто история совсем неинтересная, а потом вдруг с азартом рассказывал просто ошеломляющие детали. Хотя, подумала Агата, наверное, на него по жизни так мало обращали внимания и так мало слушали, что подросток научился перестраховываться на случай, если от его рассказов заскучают.

– Сначала он не знал, что она была гулящей, – продолжил рассказ Тагар, – потом она призналась. Павел Максимович её простил – он верил в неё, как верят в боженьку. Она была красивая, я видел, – такая же светлая как Вы, только выше и глаза голубые. – Агата представила себе, как Павел целует эту длинноногую блондинку, и тут же вскипела от ревности. – Но злющая как чёрт. Она меня терпеть не могла. Я и не знал, что черти бывают белыми...

Агата не могла разрушить веру маленького цыгана в слова матери и сказать, что цвет волос не имеет никакого отношения к характеру, а потому предположила:

– Может она была в парике? – Девушка и подросток одновременно прыснули от смеха.

Потом парнишка рассказал о том, что пока Павел обустроивал «Центр», брал на перевоспитание трудных подростков из неблагополучных семей и с зарождающимися преступными наклонностями, Ольга постоянно ходила по магазинам и салонам с подругами, тусила в клубах и... спала с его братом.

«Господи, какой кошмар!» – искренне ужаснулась Агата.

У неё чуть сердце не остановилось – бедный Павел! Так вот почему, он так и не заплакал на похоронах: он всё ещё зол на Костю...

И тут Агату словно ударило: о, Боже, это же мотив! Павел узнал, что жена изменяла ему с братом, и затаил злобу на последнего, поджидая подходящего момента, чтобы убить без привлечения внимания к себе.

Как рассказал Тагар, Павел тут же развёлся и поклялся, что больше не подпустит к себе ни одну женщину, которая окажется не девственницей. При этих словах цыганёнок густо покраснел. – из белого на лице мальчишки остались только глазные яблоки, остальное подходило под цвет к её свитеру. Выглядело это странно, как будто до этого он не употреблял откровенных и сочных фразочек, правда, дальнейший рассказ объяснил подобную реакцию.

– Это глупо, у него была пара свиданий с такими, ну, девственницами, – пояснил Тагар, – но они оказались уродливыми и ужасно скучными, не то что Вы. – Он расплылся в улыбке, выставляя ряд желтеющих зубов.

– Да, курить тебе надо бросать, друг мой, – с ухмылкой воспитателя заметила девушка, стараясь не говорить сейчас о себе, в надежде, что этот обескураживающий своей простотой ребёнок не спросит её о том, цела ли она для Павла.

Агата вздохнула с облегчением, когда Тагар также просто и быстро перекинулся на новую тему, как только что принялся за компот, доев второе блюдо. Пока он рассказывал о том, что курит совсем немного, всего пачку «Винстон» в день, и уже второй год пытается бросить, Агату разрывали двойкие чувства. Она однозначно была уверена в том, что ни Павел, ни Тагар не должны узнать о её связи с Костей, да и вообще о разгульной жизни. Но также она понимала, они с этим маленьким цыганёнком настолько похожи и близки по духу, что обманывать его

станет самым трудным бременем в её жизни. Он верит в её чистоту, и рушить подобную веру кощунственно, а вот рассказать правду и поболтать с ним о трудностях жизни, было бы честно, и наверняка, принесло бы облегчение для обоих.

Тем не менее, пришлось выбрать первое и молчать, пока она не убедится в том, что правду рассказывать безопасно. Кто знает, что сделает Павел, узнав о том, что Агата тоже спала с Костей? Ведь если он убийца... Короче, надо быть осторожнее.

Единственное, что Агата уяснила для себя и объявила об этом Тагару, так это то, что теперь они друзья. Мальчик произвёл на неё неизгладимое впечатление – он самый взрослый из всех взрослых, кого она знала в жизни.

После часового воспитанники «Центра» перерыва ребята разбежались по классам. Агата так переволновалась из-за раздражающих её противоречий «рассказать – не рассказать», что её пришлось завернуть в туалет, где её стошнило съеденным обедом. Приведя себя в порядок, девушка вышла на улицу к Павлу, который сидел там с того самого момента, как Тагар ляпнул лишнего. Как раз когда она ступила на крыльцо, молодой мужчина обнял цыганёнка, и, похлопав по плечу, отправил в класс.

Павел улыбался, и был странно светел, что Агата даже не сразу поняла, что он явно только что ревел как младенец.

Павел взглянул на подошедшую Агату лазурными глазами, выглядевшими сейчас чересчур блестящими, и предложил девушке сесть.

– Теперь ты все знаешь. Это должен был рассказать тебе я, а не Вася.

– Я не всё знаю. Думаю, я готова выслушать рассказ из первых уст. – Агата присела на расстоянии, практически на другом конце скамейки; сейчас он уже не казался ей опасным, но предосторожность никогда не повредит.

– Ладно. Я расскажу тебе свою историю, но ты должна знать, что ты мне очень нравишься, и я хочу продолжить общение с тобой. – Павел подсел ближе и попытался взять девушку за руку, но Агата аккуратно убрала руку в карман.

Его взгляд тут же похолодел, он нахмурился, как обиженный ребёнок, но стал рассказывать.

Рассказ молодого красивого атлета был более красочным и длинным, чем в изложении Тагара. Боль, отразившаяся на лице Павла при описании красоты и сексуальности его бывшей жены, заставила Агату возненавидеть эту женщину всеми клеточками своего тела. А на словах «обдолбанный ублюдок» она аж подпрыгнула: Павел сидел, сжав кулаки, мышцы напряглись на его накачанном теле. А ещё после пары высказываний о справедливости жизни и том, что его брат сам себя наказал нелепой смертью за подобное предательство, синеглазый Аполлон расплакался.

У Агаты больше не осталось и сомнений в его непричастности к смерти Кости, и она под села ближе и, обхватив темноволосую голову Павла, подставила под неё своё плечо.

Так они сидели среди тёплого осеннего денька на белой скамье, а холодный воздух приводил в чувства сотрясающиеся от рыданий тела. По щекам Агаты тоже текли слёзы, она понемногу чистоту момента истины, момента, когда одна сторона раскрылась, и теперь настал черёд второй стороны.

Но она не могла решиться. Не сейчас. Ведь он ещё не отказался от своего правила о запрете отношений с гулящими женщинами, а она как раз такой и является. Это несправедливо. Вот бы кто-нибудь также взболтнул ему о распущенности его молодой подруги, тогда ей бы ничего не оставалось, кроме исповеди перед ним. Но не она сама. Ни в коем случае!

– Павел, как ты думаешь, это было самоубийство или... – Она не закончила вопрос, как бы намекая, что Павел сам поймёт продолжение.

Сейчас его голова больше не покоилась на плече девушки, а они оба вытирали мокрые лица. Агата захлопнула зеркальце, в котором так и не нашла признаков потёкшего макияжа и пристально посмотрела на Павла, который явно задумался над подобным вопросом.

Девушка не выдержала долгого молчания и выложила скороговоркой в одно предложение всё, что секунду назад сложилось в голове:

– Неужели молодой здоровый мужчина в самом расцвете сил мог выпить кофе и заняться спортом? Сбой сердечного ритма обеспечен уже сам по себе. А психостимуляторы типа амфетаминов сами по себе вызывают кардиомиопатию и судороги, тем более, вместе с кофеином и физической нагрузкой. Даже если он был бы просто камикадзе, то вряд ли стал бы устраивать себе такую смерть.

– Ого!

– Что «ого»?!

– Откуда это у тебя такие познания в фармакологии и медицине? – Павел смотрел на неё недоумевающе, с каждой дополнительной секундой её молчания на его лице росло недоверие, и глаза прищуривались, как бы желая разглядеть подвох.

Господи, как она могла так опростоволоситься, практически сдала себя в самый неподходящий момент. Что ж, остаётся давить на то же, что до сих пор срабатывало.

– Так я же в газете работаю, издержки профессии. – Она широко улыбнулась всеми своими ровными отбеленными зубами. Обычно это помогало, особенно на экзаменах – перед преподавателями-мужчинами.

– Ну да, точно, забыл. – Лицо его расслабилось, взгляд устремился куда-то вдаль. – Ты права, полиция не говорила мне, что это самоубийство.

– Что?! – теперь пришёл черед Агаты выказать недоверчивость.

– Они сказали, что пока нельзя ответить точно, им нужна неделя на вынесение конечного результата. Но анализ кофе из чашки показал, что ни наркотиков, ни других ядов там не нашлось. Только глюкоза.

– Сахар?

– Да, твоя фамилия, Сахар, – попытался сострить мужчина, вызвав у Агаты некоторое замешательство. – Или о чём ты? Конечно сахар. Как же можно пить кофе без сахара?! – Павел не понял её смятения.

– Конечно, кофе с сахаром вкуснее, особенно, когда его не чересчур положат, – быстро сгладила неприятное направление разговора Агата, добавив с эти слова небольшую вольность из мыслей о первой и последней встрече с Костей.

– Ты о чём это? Что-то я совсем запутался. – Теперь его густые чёрные брови, блестящие на солнце, сдвинулись к середине, ещё чуть-чуть и он её расколлет.

Но сейчас, когда уже ясно, что это точно убийство – потому что никакого сахара в кофе не должно было быть, – можно отступить. Не нужно больше обсуждать с ним эту тему, дальше она всё сделает сама – найдёт убийцу, пока полиция не узнает о её присутствии на месте преступления за пару часов до смерти Кости.

– Что-то я совсем глупости говорю. Думаю, нам надо просто дождаться результатов экспертизы. А теперь, скажи, Тагар придёт на футбол?

После упоминания имени его маленького друга Павел уже не думал об убийстве брата – ведь женщина, которая так сильно ему нравилась, сейчас искренне поинтересовалась его жизнью, такой близкой ему частью этой жизни.

Солнце уже намекало на близость к вечеру, сколько же они здесь просидели? Девушка поёжилась, натягивая воротник почти до самых щёк. Павел подсел к ней вплотную и заглянул в глаза цвета какао. Ну вот, сейчас он точно увидит в них всю правду о многочисленных связях, и пиши – пропало.

– Агата, ты...? – не успел он спросить, как она перебила.

– Да, я девственница! – секунда молчания продлилась целую вечность прежде, чем Павел расплылся в улыбке до ушей, а Агата, поняв свой нелепый ответ, смутилась до корней волос.

– Вообще-то я не это хотел спросить... – Неловкость момента создала космических размеров напряжение, они оба вот-вот готовы были взорваться от смеха. – Ты пойдёшь со мной сегодня на свидание?

– О, конечно! – Румянец залил её щёки, и воротник уже мешал, создавая лишнее тепло.

– Хотя то, что ты сказала просто замечательно. – Молодой Болдуин засветился, как новогодняя ель. – После развода с Ольгой я поклялся себе, что не стану встречаться с женщинами, не хранящими себя для одного мужчины. Верность – признак не только целомудренности, но также сильного характера и ума.

«Ну вот, как в душу плюнули. Слабохарактерная дура». Агата сначала поникла, а потом выпрямилась, чтобы не терять роль, которую уже проклинала, на чём свет стоит. «Интересно. Если бы я его не перебила, как мы бы пошли на свидание? Он, что, сознательно шёл на риск?»

Теперь её мысли уже не имели значения, ведь он попал в сети и нужно ковать железо, пока оно горячо. Влюбить в себя на полную катушку. А если он и узнает правду, то простит эту светловолосую любящую его по-настоящему девушку, потому что жить без неё уже не сможет.

Глава 6

«Суббота. За окном близится вечер, а подруга рассматривает колонию малолетних преступников, лишь бы завязать отношения с красавчиком, предположительно замешанным в смерти брата».

Катя развалилась на диване с миской чипсов перед телевизором, сложив ноги с накрашенными ногтями на стул перед собой. Ещё не было ни одних выходных, на которых они с Агатой не заглянули бы в клуб. Возмущение валилось через край.

Маленькая однокомнатная квартирка на улице Корабелов никогда не казалась девушке с огненными волосами уютной. Коричневый сервант, бежевый раскладной диван с плюшевыми подушками, который ночью превращался в ненавистное супружеское ложе, тут нечему было привлекать Катю, дома её ничто не держало. Уже с понедельника она ждала выходных, чтобы улететь в голубые дали под ликером, знакомиться с парнями, отжигать и под утро завалиться в чью-нибудь постель. В самом худшем случае, договориться о встрече на неделе и вернуться домой слушать ворчание скучного мужа.

«Это несправедливо. Вот, Агата сейчас устроит свою личную жизнь с этим ворюгой любимых подруг, и останусь я без родной души, хоть вешайся от одиночества», – думала Катя.

Комната, исполненная в бежево-коричневых тонах, навевала ей воспоминания о своей детской комнатке в бабушкином доме. Стены из светлого дерева, верблюжий ковёр на полу, и такого же цвета советское покрывальце на кровати. Там она мечтала о том, что когда-нибудь за ней приедет принц на белом мерседесе и, подхватив на руки, внесёт в их общий дворец. И будут они жить-поживать в своих хоромах, любя друг друга до конца дней. Сказка оказалась в прошлом, сейчас она уже взрослая и понимает, что в жизни нет вечной любви с ежедневным сексом, а реальные дворцы чуть миниатюрнее коробки от холодильника.

В дверях заворочался замок. Странно, для прихода Ильи рановато, может мама приехала навестить молодую семью, и довольно выслушать кучу нареканий на своего зятя, приговаривая «Я же говорила, тюфяк он у тебя, надо было за Лешку моряка выходить, вот тот уж точно держал бы тебя на коротком поводке – настоящий мужик»?

Катя не любила встречать мужа у порога, вот и в этот раз осталась в той же позе, даже не колыхнувшись в сторону скрежета в замочной скважине. Но через секунду в комнату что-то с грохотом ввалилось и обрывистым голосом драной кошки мужского пола запело «Хлопай зеницами и летай, привить не зап-пывай».

Лениво обернуться на вошедшего не получилось, шок от услышанного, буквально, заставил вскочить хозяйку с любимого лежбища и ринуться навстречу раздражающему шуму. Она включила свет в прихожей, а там заполнял собой всё пространство какой-то сгорбленный, еле стоящий на ногах тюлень, пытающийся скинуть берцы с подкашивающихся ног. Одна его рука судорожно упиралась в стену, а вторая трупом лежала на спине хрупкой газели в дешёвой лакированной куртке и юбке по самые большие вертелы⁷, как говорила Агата.

Катя стояла в проходе, где среди разбросанных вещей разувался её муж, пьяный, словно кот после литра валерьянки, в объятиях куда менее навалерьяненной... Хозяйка задумалась, подбирая в голове слова, точно описывающие эту женщину.

«Жанна», – представилась та, как бы догадавшись, о чём думает Каты. «Проститутка», – оформила свою мысль последняя, но не произнесла вслух, потому что первый шок уже стих, и на смену ему пришёл дикий интерес узнать у этой почти трезвой женщины, что произошло с Илюшей.

⁷ Большие вертелы – бугры, находящиеся на бедренных костях рядом с головкой бедренной кости. Самые выдающиеся места в тазобедренных суставах.

– Ну, что ж, входите. Я – Екатерина, жена покойного, ой... – хохотнула она, – впервые нажравшегося до поросячьего визга.

Девушки рассмеялись уже дуэтом, на что в ответ услышали невнятное возмущённое бормотание царапающего стенку «тюленя». Вдвоём они дотащили слабодвижимое тело до дивана и оставили его там.

– Жанна, проходите на кухню, – почти приказала Катя. – Я Вас угощу кофе.

Русоволосая с жидкой шевелюрой женщина, лицо которой пестрило ранками от неумело выдавленных прыщей, лет тридцати по виду, слегка застенчиво села за стол. Катя забыла о своей брезгливости к подобным особам и даже о том, что её муж теперь, возможно, приобрёл какое-нибудь заболевание типа отвалившегося стручка. Азарт завладел ею до мозга костей, надо в подробностях узнать причину такой фантастической смелости мужа.

– Вы очень красивая, Катерина, – отхлебнув горячий кофе, сказала женщина.

– Спасибо, Жанна. – Катя широко улыбнулась и с наигранным добродушием спросила: – А что случилось сегодня? Почему Илья пьян?

– Так он в сауне был. С ребятами обмывали первое дело Ерошкина, младшего сержанта юстиции, как он сказал. У него из самоубийства появилось убийство. Вот они в сауну и поехали, да нас с девочками пригласили. – Женщина оживлённо рассказала всё как на духу, а потом попросила ещё кофе. – Очень вкусно.

Вот тебе раз – Илья вот так взял и просто пошёл в сауну с проститутками?! Может он и раньше так делал, а глупая жёнушка верила в его святость и преданность? Катя наполнила чашку, подав её гостье, уселась напротив.

– Но вы только не подумайте, ваш муж не спал ни с одной из нас! – поспешно заметила Жанна. – Он сразу сказал, что любит жену и на других у него не стоит.

Лицо Кати слилось по цвету с волосами, у неё даже перехватило дыхание от гнева, которого она сама не ожидала. Как он мог? Как он смеет так сильно её любить в то время, когда она отрывается на полную катушку? На глаза даже навернулись слёзы, и это для Кати было удивительным ощущением, словно она перед кем-то неимоверно виновата.

Жанна, видя бурную реакцию на лице хозяйки квартиры, сунулась, было, её утешать, но Катя мигом протёрла глаза и с напускной заинтересованностью попросила гостью продолжить рассказ.

– Вообще-то было скучно, – пожала плечами Жанна. – Ребята всё время болтали об этом убийстве. Сначала, якобы, парня нашли под наркотой на тренажёре и решили, что он кони двинул от передоза, а потом обнаружили в чашке недопитого кофе слюну, явно принадлежащую другому – они там какой-то анализ делали. Слюна, как сказали, мужская. И тогда поняли, что это убийство, скорее всего. Раз двадцать чокались за гениальность следователя Ерошкина. Он даже первый выбирал, с кем пойдёт в VIP-комнату, парни ему позволили.

Последние слова Катя пропустила мимо ушей. Какой-то шум возник в голове или, наоборот, выключились все звуки извне. Не может быть, чтобы её муж вместе с напарником – а Ерошкин уже года два работает в паре с Ильёй, – расследовали то самое дело, в котором замешана Агата. Конечно же, она никого не убивала, но эти оболтусы могут всё напутать и, тогда Агате не поздоровится.

Теперь хозяйка перестала церемониться и предаваться эмоциям, она набросилась с вопросами на бедную гостью, как тигр на антилопу. Жанна, словно подследственный на допросе, с выпученными глазами во всех подробностях передавала разговоры молодых полицейских в сауне. О том, что они должны повторно пойти в квартиру искать улики, которых в первый раз не нашли, о том, что опросят всех соседей – может, они что видели или слышали. После слов разговарившей проститутки «Ребята очень жалели, что это не Америка и нет видеокамер на домах», Катя чуть было не подпрыгнула от радости. «Прекрасно, что мы не в Америке», – подумала она.

Когда из изрядно утомившейся от «дачи показаний» женщины была выпотрошена вся информация, на улице стоял уже поздний вечер. Девушка с огненными волосами поблагодарила свою вечернюю собеседницу за заботу о муже и почти вежливо выпроводила за дверь, добавив только то, чтобы та больше ни ногой не ступала в эту квартиру.

Глава 7

– Тридцать килограмм наркоты! – с видом победителя констатировал Прокоп – Тридцать миллионов рублей!

Маленькое серое помещение в подвале жилого дома на улице Ленина в Петрозаводске совсем не походило на обычные сырые и холодные с крысами и бомжами подвалы. Здесь имела система вентиляции, обогрев, сушилки и горела яркая лампа под потолком. Никаких бомжей и крыс не наблюдалось в радиусе километра от этой комнатки.

– Мы все прочистили, Прокоп. В этом доме и других десяти домах рядом никто тебя не побеспокоит. Твой ценный клад в полной безопасности. – Двое мужчин стояли напротив третьего, явного хозяина этого помещения, по виду крепкого мужчины, по-барски развалившегося в кожаном кресле. В рту у него торчала сигара, которую он периодически вынимал и выпускал облачка ароматного дыма.

Стоявшие были внешне очень разными – один из них приземистый и коротконогий цыган в костюме-тройке и ярко-синей рубашке, поплёскивал рядом золотых фикс и толстой цепью на шее. Второй, в кожаной куртке, повыше, постройнее, крепкий, и видно, что боец, тоже вполне мог бы сойти за цыгана, но, так сказать, более академической внешности – из какого-нибудь театра «Ромен». Кожа у него, хотя и довольно смуглая, была всё-таки существенно светлее, во рту не блестело золото, и только роскошные чёрные кудри полностью соответствовали статусу ромалов. Впрочем, золотая цепь на шее у него тоже наблюдалась.

Тот, кого называли Прокопом, выслушав доклад, махнул рукой:

– Тогда валите отсюда. Это моя территория. – брезгливо пробурчал он, и двое двинулись к выходу.

Но когда первый, низкорослый уже скрылся в дверном проёме, сидевший в кресле оставил второго:

– Санек, подожди. – Молодой, лет тридцати мужчина обернулся, вопросительно глядя на Прокопа. – Достань мне кокаин!⁸

– Но у тебя же есть наркота, хоть унюхайся! – возразил смахивающий на цыгана парень.

– Придурок! – Хозяин подвала вскочил с кресла – стоя, он достигал почти потолка этой маленькой комнатки, и сжав кулаки, проревел: – Ты что думаешь, что я буду эту дрянь себе в нос совать?

Совсем немаленький Саша казался существенно ниже Прокопа и как бы в лёгком замешательстве попятился в сторону выхода.

– Фен – это такое дерьмо, которым травятся только бедные студенты и школьники, и потом мрут как крысы! – Голос Прокопа слегка поутих, а кулаки разжались. – А я употребляю только чистый продукт высокого качества.

Он снова сел в кресло, по лицу расплылась улыбка, голос совсем смягчился и стал как сладкий мёд, текущий по сотам:

– И ты достанешь мне кокаин сегодня. Заплачу хорошо, можешь не сомневаться.

– А ты уверен, что он будет качественным? В Петрозаводске вообще есть хороший кокаин? Ты сам-то хоть раз в жизни пробовал настоящий кокс? – Теперь уже Саша делал смелые шаги в сторону Прокопа.

⁸ **Кокаин** – наркотик в форме порошка (кокаин) или кристаллической форме (крэк). Один из самых коварных известных наркотиков. Физиологически **кокаин** стимулирует расположенные в мозге нервные окончания, отслеживающие изменения в теле, вызывая эйфорию, которая очень быстро вызывает привыкание. Но повторить эффект можно только постоянно увеличивая дозу. Кокаин приводит к смерти от дыхательной недостаточности, инсульта, кровоизлиянию в мозг, сердечному приступу, раку носовой полости.

– По-моему, ты слишком умный для тупого цыгана! – взорвался хозяин тридцати килограммов. – Ты хоть в школе учился?

– Ты знаешь, учился! – вызывающе ответил Саша.

Его верхняя губа чуть сдвинулась вверх, поднимая ноздри, брови сошлись к переносице, тело напряглось. Прокоп снова привстал, но вместо обычной агрессии на его лице читались нотки недоверия, глаза сузились до двух узких щёлок. Напряжение в комнате возросло до предела, она как будто наэлектризовалась – мужчины не сводили друг с друга глаз.

Но через минуту, Прокоп расслабился и откинулся на спинку.

– Ладно, иди. К вечеру найди самый чистый в городе порошок.

Глава 8

Густой осенний воздух щекотал нос Агаты, насыщенные ароматы уже слегка мёрзлой влажной земли просачивались через почти прозрачный слой желтеющего газона на поле. Игра закончилась со счётом три-один в пользу старшеклассников. Тагар забил два гола из трёх, а последний забил Миша с пенальти. Разгорячённые и весёлые они хлопали друг друга по спине, обнимались, а потом шли в раздевалку и душ.

Агата надорвала голос, раньше она и подумать не могла, что вообще когда-то станет орать на футбольном матче «Давай! Порви их, чтоб они знали кто на поле хозяин!».

Вася-Тагар подбежал к сидящим на скамье Павлу и его новой подруге, сияя улыбкой и глазами так, словно на его лице вообще больше ничего не было, будто всё его тело состояло из улыбающегося рта и распахнутых от счастья глаз.

– Где ты научился так играть? – прохрипела Агата.

– Я с самого детства со своими во дворе мячик гонял. В школу-то не ходил. Это было единственным занятием. – Вася такой маленький телом и огромный душой, стоял напротив Павла и с обожанием смотрел на них обоих. – Пойдёмте в столовую, там сейчас тётя Зоя будет угощать всех клюквенным пирогом!

Павел встал и обнял цыганёнка, его мокрая футболка прилипла к телу.

– Пойдём. Но сначала марш в душ, и переоденься в сухое! – голосом строгого отца попытался скомандовать Павел.

Вася убежал, а парочка бодро зашагала в столовую. На улице вечерело, начали включаться фонари. Территория «Центра» выглядела успокаивающе – совершенно другой городок, не Петрозаводск с его пугающими ночными парками и натриевыми лампами на столбах, придающими уличному освещению какой-то кровавый оттенок.

– Предлагаю отпраздновать с ребятами удачный матч и пойти прогуляться по городу. Если хочешь, поедem на моём «Порше», зайдём в ресторан. Как ты на это смотришь? – Павел стоял перед ней в тёплом свете жёлтых фонариков «Центра», оформленных на старинный манер, такой родной и такой чуждый её терзаниям о лжи.

Конечно, ей хотелось бы поехать с ним на крутой тачке и зайти в какой-нибудь бар, где окажутся её сокурсники, они конечно же обзавидуются. Но идея о знакомстве Павла со своим образом жизни ей не понравилась.

– Давай лучше пешком. Просто запасёмся парой-тройкой гранат и автоматом Калашникова на случай, если какие-нибудь гопники решат испортить нам вечер.

– По-моему, ты слишком плохо думаешь о людях. – по-воспитательски улыбнулся мужчина с лазуритовыми глазами.

«Это ты слишком хорошего о них мнения», – подумала Агата, но вслух лишь сказала:

– Может быть, – и натянуто улыбнулась.

Как можно думать, что все люди хорошие, работая в исправительной колонии для малолетних преступников, недавно похоронив брата и обжёгшись на супружеской неверности? После всего этого логичным было бы считать, что мир полон зла, несправедливости, предательства. Но он свято верит даже в неё саму, в то время, когда она так жестоко его обманывает – от этих мыслей сердце девушки сжималось в какой-то крошечный комочек.

Обхватив крепкую мужскую руку в синем пуховике, при свете окон «Центра» Агата ещё раз исподтишка взглянула на высокого брюнета. «Господи, он красив как чёрт. Да простит меня святой Павел за такое сравнение». Мысленно смеясь над своей шуткой Агата услышала, как в сумочке зазвенело. Мобильник – как некстати! С досадой достав телефон, девушка разглядела надпись «Катюха». Немного помедлив – отвечать или нет? – она всё-таки ответила, ведь подруга скучает:

– Алло!

– Понимаю, что возможно отвлекла от кое-чего важнее меня, но дело срочное... – Голос подруги звучал тревожно, она тараторила как шпион-новичок, докладывающий о сложной ситуации жутко занятому начальству.

– Ничего ты не отвлекаешь. Говори.

– Тут мой Илюша пьяный вернулся домой с проституткой...

– Дорогая... – испугано вставила Агата.

– Да подожди ты! – оборвала Катя, немного разозлившись на страх подруги. – Ты же знаешь, я по таким пустякам не переживаю...

Она сделала небольшую паузу, а потом продолжила:

– Оказывается, эта Жанна...

– Жанна?.. – иронично вставила Агата. – Неужели мученица, как Жанна Д'Арк?

– Вижу, ты в хорошем настроении – хмыкнула собеседница в телефоне. – Но оно разлетится к чёртовой матери, когда я расскажу тебе *всё*. – Катя сделала нажим на последнем слове. – Так вот, Жанна передала мне все подробности болтовни Ильи и его напарника Ерошкина в сауне. Эти придурки расследуют дело с Костей, понимаешь?! – Она задержалась на секунду, и не дав Агате опомниться, пошла дальше: – Оказалось, это убийство, потому что в кофе нашли слюну другого человека. Они делали анализ – уж не знаю как, по ДНК, что ли, но выяснилось, что слюна мужская, и не Костина, понимаешь?! Дру-гой муж-чи-на! – выговаривая по слогам, повторила Катя.

– О боже! – воскликнула Агата.

Павел, деликатно стоявший всё это время в стороне и пытавшийся не слушать разговор, сейчас резко повернулся в сторону девушки с немимым вопросом на лице «Что случилось, милая?»

– Да, это ещё не всё, – не давая прийти в себя подруге, Катя неминуемо наступала. – Эти двое дилетантов собираются расследовать дело, ведь оно у них первое, что собственно и обмывали, а не день рождения Ерошкина. Они снова начнут опрашивать соседей, искать новые улики, возможно, произведут эксгумацию.

– Ужас! – Агата замерла, как вкопанная, её колотило словно после ушата ледяной воды. Павел теперь стоял рядом, готовый помочь в любую секунду, но она его остановила жестом руки.

– Но могу тебя обрадовать: из разговора с этой шлюхой я выяснила, что слюна принадлежит человеку, явно не родственному убитому. То есть, это не твой Павел, и это уже хорошо!

Агата тут же шагнула к напуганному мужчине, стоящему наготове, и обняла одной рукой его крепкий торс в пуховике. Он быстро откликнулся.

– Но сильно не расслабляйся, моя дорогая, – не останавливалась Катя. – Следки будут искать и обязательно найдут признаки твоего присутствия. Вдруг какая-нибудь сумасшедшая соседка могла тебя видеть с утра?..

– Ладно, я поняла, – бессильно прошептала Агата. – Спасибо, что рассказала, я перезвоню тебе позже. Целую, пока. – Она дала отбой и уткнулась щекой в мужское плечо.

Усталость тонной кирпичей навалилась на неё, прижимая к земле, будто вот-вот раздавит.

– Что случилось? – теперь Павел уже не выглядел молчаливым утешителем, в его глазах горело пламя воина готового ринуться в бой при первой же команде.

Казалось, стоит Агате рассказать, кто её обидел, и в этот же момент от обидчика не осталось бы и мокрого места. Проблема в том, что этот обидчик убил его брата, а под подозрение в такой ситуации может подпасть сама Агата. По крайней мере, сейчас ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Павел что-то узнал.

– Ничего, просто муж моей подруги завалился домой пьяный с прос... – Она тут же поправила себя, вспомнив, что это слово теперь противопоказано в её лексиконе: – С девушкой лёгкого поведения.

– Вот, козел! – выругался брюнет.

От отстранился и, держа Агату на вытянутых руках, всматривался в её лицо. Его явно зацепила такая история, и от этого он выглядел ещё сексуальнее. Горячий, как ретивый жеребец, в свете фонарей Агата любовалась Павлом. Узкие бедра, широкие плечи, осанка как у рыцаря, образ – словно высеченная из камня статуя римского бога.

– Хочешь, поедem к ней, я с ним разберусь? – предложил мужчина.

– Нет, думаю, не стоит, – запротестовала девушка. – Ни к чему туда лезть, сами разберутся. А мы пойдём гулять. – Агата взяла его под руку.

Павел сделал неопределённый жест вроде «как знаешь», накрыл своей ладонью её, и они двинулись к выходу из кампуса.

«Сказала правду, частично, конечно, но не солгала», – успокаивала себя Агата. «Если в прошлый раз за такие мысли я упала, что же будет этим вечером, когда клубок вранья замотан до упора?»

Глава 9

Ночной клуб «ВКонтакте» никогда не был любимым местом Прокопа, но сегодня уходить далеко от подвала с ценным товаром нельзя. Франция – серьёзный поставщик. Если хоть один грамм пропадёт задаром, ему свернут шею. Метамфетамин по закупочной цене стоит тридцать кусков, а вот если его разбавить в два-три раза, то прибылью в такую же сумму можно погреть свой карман, размышлял молодой мужчина со шрамом на щеке.

Этот отпечаток клюшки он получил ещё в детстве, когда пьяный отец накинудся на мать, а маленький Андрей решил защитить её. Потом он об этом не раз пожалел – лучше бы отец убил эту чёртову суку, которая водила мужиков каждую ночь у него на глазах.

Но сейчас он не думал о том, что давно прошло. «Если я не провалю дело, то следующая партия придёт с белой лошадкой», – тонкие губы растянулись по скуластому лицу так сильно, что если они были бы сделаны из резины, то, наверное, лопнули бы.

С каждым глотком бурбона, тело немного расслаблялось. Конечно это не то, что наполняет жизнью, зато на время снимает мышечную боль и идиотские мысли. Когда уже этот Александр притащит свою задницу?

Андрей нервно оглядывался по сторонам, его ноги отбивали чечётку под столом.

«Вечно всё приходится делать самому. Костя – слабак, сам виноват, нечего было кидать меня перед самой поставкой, в день, когда любое лишнее движение могло сорвать сделку в тридцать миллионов. Теперь она положит начало настоящему потоку бабок», – эта мысль разлилась горячим потоком бурбона по горлу, сосудам, омыла каждую извилину, но всё же оставалось что-то, без чего кайф был невозможен.

Он с силой ударил по столу ладонью, так что белокурая официантка вздрогнула и чуть не уронила поднос. Её взгляд упал на Андрея из под густых ресниц, и она уже не была такой испуганной, как секунду назад. Прокоп нахмурил брови, но кое-как заставил себя улыбнуться. Сейчас нельзя привлекать внимание.

В бар зашёл давешний мужчина в чёрной кожаной куртке, он быстро огляделся. Зал ещё почти пустовал, десять часов вечера рановато для ночных тусовок. Лишь пара столиков была занята уставшими бизнесменами, пришедшими выпить после тяжёлой трудовой недели, чтобы не коротать вечер с истеричными жёнами.

Прокоп неприметно сидел в дальнем углу, он практически увядал как растение без живой влаги. Саша сжал кулаки – вот бы сейчас кинуть этого ублюдка на гибель от ломки. Но пока рано. Дело ещё не доведено до конца. Кулаки разжались, он расстегнул куртку и двинулся в сторону «умирающего».

– Наконец-то! – Прокоп слегка взбодрился, если движение головы поднятой от стола можно было так назвать. – Где тебя носила, обезьянья сила? – Он расплылся в идиотской улыбке, слегка прихрюкнув, а потом медленно поднялся и облокотился на спинку кресла.

Саша держался изо всех сил, чтобы не ударить, мышцы свело от напряжения.

Прокоп, чьё настоящее имя было Андрей Прокопьев, схватил кожаный рукав как умирающий в пустыне от жажды хватает ведро с водой. – Ты принёс?

Чернокудрый мужчина достал из кармана кулак, но не раскрыл его. У сидящего за столом, ещё секунду назад еле живого Прокопа, загорелись глаза, он стал лихорадочно разжимать пальцы Саши.

– Дай! Открой чёртов кулак! – мычал Прокоп.

– Ты что с ума сошёл! Не здесь! – Парень схватил за шкуру куда более рослого Прокопа и поволок в туалет.

Маленький мужской туалет еле вмещал одного человека, но отставлять в нём Прокопа без присмотра нельзя, кто знает, что он с этим граммом сделает. Охранник посмотрел на двоих мужчин зашедших в одну дверь и стыдливо отвёл взгляд.

«Ну вот, только репутации гомосека мне ещё не хватало», – подумал Саша.

Он защёлкнул шпингалет и достал пакетик с белым порошком. Прокоп, сидевший на крышке унитаза, привстал, увидев заветную посылочку, но Саша тут же надавил ему ладонью в плечо, и тот снова рухнул на белый трон.

Он скрутил из тысячерублёвой купюры по короткой стороне тоненькую трубочку и всучил почти потерявшему сознание Прокопу. Потом на одну из пластиковых карточек насыпал немного порошка, второй стал медленно и с ювелирной точностью сооружать «колпак». Его руки действовали чётко, каждое движение было выверено до миллиметра. Завершив последний штрих, он поднёс кредитку к носу «умирающего». Тот встрепенулся и, вставив дрожащей рукой трубочку в ноздрю, стал судорожно пристраиваться к «дорожке».

«Какое жалкое зрелище! – комок тошноты подкатил к горлу молодого мужчины. – Как бы я хотел тебя убить, мразь».

Живительная пыль попала на слизистую, Прокоп стал оживать. Быстрым движением пальцев втёр крупички кокаина, осевшие на волосках, поглубже в перегородку, так чтобы они скорее просочились в кровь, хотя кое-какой эффект уже появился. Теперь он сам взял оружие в свои руки и состряпал новую порцию для второй ноздри. Полный нос кокаина – вот мечта человека, знающего толк в кайфе! Теперь глаза Прокопа распахнулись, буквально засияли как два прожектора, он выпрямился, жизненная сила наполнила каждую клетку тела кислородом.

Конечно, это удовольствие лучше любого алкоголя, но и его теперь недостаточно. Уже нет такого счастья как раньше, нет возбуждения каждого мускула, нет эрекции каждого волоска на теле. Теперь просто нормальное функционирование организма, которое без наркоты отказывается жить.

Прокоп вздрогнул, но тут же отмахнул от себя жуткую мысль, с ним такого не случится. Он – не наркоман.

Двое мужчин прошли за стол, Прокоп поднял руку, делая жест официантке немедленно к ним подойти. Стройная невысокого роста блондинка подошла к мужчинам. Сейчас она уже совсем не раздражала его. Обворожительная улыбка легла на разглаженное от морщин недавно созданных мучительной болью лицо. Даже небольшой шрам казался милым украшением на невероятно мужественном и симпатичном лице. Девушка растаяла. Спустя час они уже обменялись номерами телефонов и договорились после окончания смены пойти погулять.

Глава 10

Спускаясь по ступенькам вниз по улице Фрунзе, Агата тряслась как стиральная машинка советских времён. Они только что прошли мимо её ненаглядного морфологического корпуса⁹, в котором она училась. Конечно, не всё там было гладко, особенно анатомия со слегка двинутым профессором, но это не повод скрывать старого друга от нового. «Как ты можешь, Агата? Старый дедушка морфкорпус будет тобой очень недоволен в понедельник. Он обязательно тебе подкинет плохое настроение у препода в этот день. Так что жди «неуда», дорогуша».

⁹ **Морфологический корпус** – одно из зданий медицинского факультета (или института), в котором проводятся занятия по таким предметам, как анатомия, оперативная хирургия, гистология и др. практические дисциплины. Здесь студенты проходят обучение на препаратах (трупы) и на животных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.